

КАФЕДРА

Собеседник великих людей

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

— Сколько раз вы встречались с Бродским для беседы?

— Мы встречались на протяжении 18 лет, думаю, не меньше 30 раз...

— Выпивали в процессе? Вот вы с ним на фотографии сидите с бутылкой.

— Шостакович мне всегда предлагал выпить. Тогда я не пил по стеснительности. Сильно выпивать я начал здесь и пил очень круто лет десять. А год назад у меня просто обрушилась печень. Жуткие боли. Врач сказал: полный абзац. Всё. Завязываем. А раньше мы с Марьяной, женой моей, каждый божий день выпивали по бутылке коньяка на двоих.

— У вас от этого депрессии не начинались?

— Для меня, наоборот, депрессией было прекратить это дело. Это было колоссальное подспорье. И еще хорошо, что мы были на одной волне. А теперь она продолжает, и мы на разных волнах, и это — ой! Во-первых, жутко хочется выпить; во-вторых, дико завидно и где-то начинается раздражение; в-третьих, хорошо, а ты тут ходишь как дурак по квартире...

— Ну, раз вы бросили пить, у вас времени и энергии стало больше.

— В этом я не уверен. Я спасаю печень, но зато для психики хуже. Но в беседах у от этого, как правило, отказывался, потому что подходил к этому делу в высшей степени ответственно... Ко мне и друзья Шостаковича, и друзья Бродского, и друзья Баландина, когда книги вышли, отнеслись с колоссальной ревностью. Ведь они с ними выпивали, и дружили, и болтали, а Волков вдруг раз — выпускает книгу. Но потому Волков и выпускает книгу, что у

Андрей Вознесенский, Соломон Волков, Евгений Евтушенко. Нью-Йорк, 1991.

Фото Марианны Волковой

что некоторые поздние стихи Ахматовой относятся к Найману. Он же это отрицает... Найман — вылитый Модильяни. У каждой женщины, как и у мужчины, есть своя роковой тип.

— Когда берешь интервью, некоторые предупреждают: о личной жизни не спрашивай. А вы как к этому относитесь?

— Без личной жизни — ерунда. Личная жизнь неминуемо является частью творчества. Часто бывает: художник изобразил в виде Иуды личного врага. Как Данте, который всех своих врагов разместил в аду или в лучшем случае в чистилище. То же у композиторов. Только у композитора в большей мере, чем у поэта, между личным, эмоциональным импульсом и конечным результатом лежит опосредованная работа. Можно сесть и записать, как Есенин, предсмертное восьми-

— Да.

— Предсказал что-нибудь?

— А вот не скажу. (Смеется.) Он высказался таким образом, что у меня до сих пор — мурашки. Честно сказал... Общение с Шостаковичем было таким, что рядом с ним общение с Анной Андреевной Ахматовой было, как она сама говорила, как «бой бабочек».

— С кем тяжелее беседовать — с поэтами или с музыкантами?

— Не знаю. Мне в моей жизни по-прежнему общаться с несколькими людьми, которых условно можно назвать гениями. Это особая природа — сверхчеловеческая, конечно. Гением я называю человека, который так трансформировал нечто в своей сфере, что после него мир изменился. Вся его отрасль изменилась...

— Анатолий Наумович Рыбаков после одного разговора говорил мне: «Так и передай это аэропортовским идиотам». Они могут осудить ваше отношение, например, к Сталину.

— Уже осудили. Я сейчас высказался для «аэропортовских идиотов» шокирующе. За последние 50 лет человеком, который лучше всех писал о Шостаковиче, был Игорь Ростиславович Шафаревич. Моя позиция по отношению к политическим разборкам в России — это позиция аутсайдера. Я это хочу, то и говорю.

— Лучшие наши писатели последних времен Сталина изображают дегенератом с низеньким лбом. А у вас он — при всей констатации злодейств — личностью значительная.

— Он и есть одна из самых значительных фигур XX века. Это человек, который fascinрует пишущую и читающую публику и является одним из титанов XX столетия. Это первое. Второе — Сталин был прежде всего политиком. И он был — со своей точки зрения — успешным политиком. То, что он хотел сделать, он во многом сделал. Не на сто процентов, но на сто — ни Наполеон, ни Александр Македонский — свою программу не реализовал. И со своей точки зрения, при которой не учитывалась стоимость человеческой жизни, Сталин был успешен. Он умер в своей кровати — убили его, не убили... Умер, создав супердержаву.

— А как вы относитесь к дружбе Горького со Сталиным?

— Горький, когда подружился со Сталиным, успел продвинуть огромное количество своих литературных начинаний. Всякие журналы, издательства, серии. И — организацию Союза писателей... Чем Горький так жутко был ненавистен символистам и, скажем, Зинаиде Гиппиус? Они все издавали крохотными тиражами, у них три тысячи был максимум. А он затеял издательство «Знание», и сразу пошло — 10 тысяч, 20, 30... По всей России эти зелененькие томки расходились. И они завидовали, они бесились. Даже Блок написал статью о реалистах...

— Блок не трожьте! Он — мой любимый поэт.

— А жил бы Блок сегодня? Он был бы в компании Шафаревича. Он был жуткий, патологический антисемит. Он издается в издательстве «Шиповник» и иначе как «Жидовник» его не именуют. У него что ни еврей, то жид. Он евреев ужасно не любит. Не просто так — у него претензии, совершенно определенные. Что они захватили прессу. Правят бал и вредят русской литературе. Он написал еще до революции на эту тему статью, снес ее в либераль-

ную газету, там разве что не было написано «Бей жидов — спасай Россию». Ему это дело сократили. Он был в бешенстве.

— И какой из этого вывод?

— Это к вопросу о личной жизни, общественной и творческой. Уменьшило ли знание о том, что в лице Блока мы имеем зоологического антисемита, любовь к его стихам? Нет.

— То есть вы прощаете антисемитизм?

— Я не прощаю это Блоку как человеку. Но я же с ним не общаюсь как с человеком. И вообще меня жизнь сталкивала с некоторым количеством незаурядно одаренных антисемитов. И когда я о них думаю сейчас, для меня главное, как это ни смешно, все-таки то, что они написали.

— Вы и Шостаковичу прощаете его ранний антисемитизм...

— Он потом стал таким иудифилом, что полностью, как говорится, оправдался. А вообще парадокс: все антисемиты, с которыми я сталкивался, ко мне, к Соломону Волкову, относились с полной симпатией. Шафаревич, насколько я знаю, прочел, и ему очень нравятся подготовленные мною мемуары Шостаковича.

Когда меня судьба сталкивала с антисемитами и я видел масштаб таланта (при том, что они мне лично никогда свой антисемитизм не демонстрировали, отнюдь), мне это не мешало с ними общаться.

— В ваших книжках, кажется, вообще нет злодеев.

— Потому что и в жизни нет злодеев. Я ненавижу только бездарностей. Несколько дней назад я смотрел и слушал по телевизору, как один замечательный музыкант играл очень возвышенную музыку. И играл прекрасно. А по характеру он — сукин сын. Я сидел и думал: мешает это мне или нет? Он один из миллиона может сыграть эту трогательную музыку так, что она меня трогает. Так как же мне на фиг дело до... Просто не буду с ним вступать в отношения, где он мне может подставить подножку, что он с удовольствием сделает.

Булгаков, кумир либеральной интеллигенции, написал свой «Батум» и не стеснялся заранее торговаться и выбивать под это квартиру... Ахматова тоже написала такие стихи, потому что беспокоилась за судьбу сына. Но ведь и Шостакович беспокоился за судьбу своей семьи, и все, кто тогда жил, беспокоились... Прокофьев, например, написал кантату на 10-летие Октября, где от себя вставил сталинские тексты и распел их на музыку. И никто ему в укор это не ставил, как и премии, которых ему больше, чем Шостаковичу, дали.

Говорят: «Что же Шостакович брал Сталинские премии? Пять премий!» А чего Солженицын не отказывался от Ленинской премии, когда его продвигали? А кто первый отказался от выдвижения на Ленинскую премию? Альфред Шнитке. А когда он отказался? Когда у него уже была финансовая независимость, связанная с Германией. Он понимал, что, отказываясь от Ленинской премии, не обречает ни себя, ни свою семью на голодную смерть.

— Вы ведь знали Лию Брик. Наша либеральная интеллигенция, зная о ее связях с каталитическими органами, все равно к ней благоволила...

— Да, есть недвусмысленные свидетельства того, что и Лиля, и Осип Брик сотрудничали с органами. Но Зощенко служил милиционером, Андрей Платонов работал в ЧОНЕ, Бабель вообще... И что интересно: все эти сведения мы имеем от них от самих... А для меня это человек, что миллионер, что чекист — все одно. Между прочим, и Веничка Ерофеев работал в милиции! И все это вместе называется «правоохранительные органы». Ни в один из этих органов без соответствующей анкеты и проверки не пройдешь... А у этих людей, значит, что-то было такое подходее... На эту тему когда-то высказался Стасов: «Такая, — го-

Лилей Брик было несколько довольно плотных встреч, которые мне очень в тот момент (а я уже подал на выезд) помогли. Я был в полной изоляции, а она ничего не боялась. У нее были соответствующие связи...

Тут мы подходим к тому, что очень многие крупные люди, о которых я писал или пишу, работали, как выясняется, на два лагеря. А может быть, на три. И ты вдруг начинаешь понимать, что иначе нельзя, что — чтобы быть полезным одному лагерю, ты должен что-то этому лагерю принести из другого лагеря.

— Но ведь это аморально...

лал России добра. И Солженицын желает России добра. Но каждый на свой лад...

— Ну вы прямо горьковский Лука!

— А что? Лука был амбивалентный, но и в Горьком была амбивалентность. Он сам никак не мог решить, Лука он или нет... Моя же «позиция Луки» дает возможность (мне так кажется) иметь — на фоне абсолютной политизированности в Америке — более объективную позицию. А мы пытаемся наши абстрактные нормы, взятые не откуда, на этих людях накладывать. Они-то на месте пытались сделать лучше

коммунизма. И он считал, что эта идея сработает. А каким путем — это он брал на свою душу и, умирая, конечно, был уверен, что выстроил великое и мощное государство и что в недалеком времени русский язык будет международным. Потому он и занялся языкознанием. Он полагал, что победа за нами...

— Был бы гений, просчитал бы, что потом будет.

— Он был гений. Потому что выстроенное им сооружение простояло после его смерти еще 40 лет. Все придуманные им формы советской власти простояли потом четыре десятилетия как ми-

Соломон Волков (первый слева) и его товарищи у Ахматовой в Комарове после исполнения 9-го квартета Шостаковича. 1965.

Фото Славы Осипова

— Это давало им ощущение причастности к большой игре и азарта, который очень их подпитывал. И в крови этих людей был этот азарт и авантюризм... Я не мог бы быть Лютковым. Я не мог бы зарубить гуся. Но, наверное, Бабель, судя по всему, зарубил.

для страны — и нужно было каждый день соображать. Как я пишу в книге о Шостаковиче: «Даже Сталин не родился сталинистом».

— Фраза в стиле Розанова. Что же сделало Сталина сталинистом?

ленькие. Если бы Горбачев не открыл ворота, они бы, может быть, еще 40 лет простояли. Хотя подгнивали, подгнивали, подгнивали...

— Соломон, вы что, сталинист?

— Я не сталинист, но меня эта фигура привлекает, занимает. Мне кажется, что я понимаю логику его решений. И мне это очень интересно. И мне особенно интересно разбираться в деталях его взаимоотношений с деятелями культуры. Я эмоционально и психологически представляю себя не на его, естественно, а на их место... Меня вообще чрезвычайно интересуют взаимоотношения творческих людей с властью. Включая Пушкина с Николаем.

— В своей книге вы разбираете, вслед за Пушкиным, три миссии художника — самозванца, юродивый и летописец. В Бродском было самозванство?

— О, да! Ведь самозванец для меня — человек, который, будучи творческой фигурой, тем не менее принимает его и участие в общественной деятельности. Но был элемент юродивости. И, конечно же, Бродский ощущал себя летописцем... Когда я ему сказал (и ему это страшно понравилось): «А ведь стихотворение о Жукове надо было в «Правде» напечатать...»

«Державное стихотворение... Бродский во многом ощущал себя великодержавным поэтом. У него есть антиукраинское стихотворение [«Ода на независимость Украины... «С Богом, орлы и казаки, степняки, вертухаи, / Только когда придет и вам помирать, бугаи, / Будете вы хрипеть, царская край матраца, / Строчки из Александра, а не брехню Тараса»].

— У вас, наверное, огромный свой архив?

— У меня квартирнка малосенская и вся заставленная книгами. Архив лежит пачками и стопками.

— И как вы находите нужное?

— Все в голове. Голова пока работает. Все спрашивают: «Как ты обходишься без компьютера?» А я считаю, что компьютер только развращает. За почти 30 лет, что я тут живу, у меня постепенно выстроилась библиотека, в которой каждая книга служит какой-то цели. И под те четыре-пять (максимум) проектов, которые я еще могу осуществлять в своей жизни, — я библиотеку и выстраиваю, и подмечаю. Я смогу написать по любому проекту книгу, не выходя из дому. Смогу.

Я не собираюсь стать специалистом, условно говоря, по Ирине Денежкиной. Стало быть, все мои темы — в контексте сталинской или постсталинской культуры. Что называется — «советская культура». У нас с вами есть бесценное достоинство: мы жили в это время!

С Лилей Брикс. Москва, 1975.

Фото Марианны Волковой

него есть дистанция. Я не был никогда их близким другом. Они выбрали меня в первую очередь как профессионала.

— Довлатов удивлялся тому, что вы решались возражать такому независимому и резкому человеку, как Бродский.

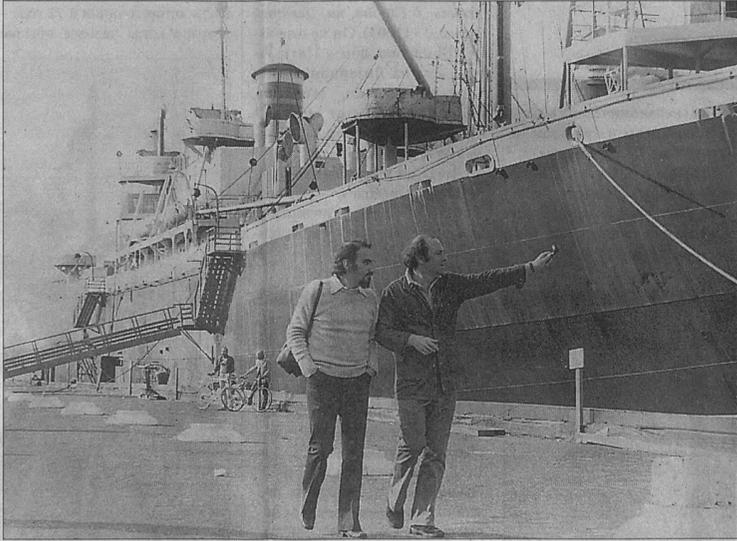
— Возражения его как раз заводили. Каждый второй его ответ был: «Нет, Соломон». Это был человек, который сначала должен был непременно возразить и настоять на своей точке зрения... Что меня со всем этим примирило — я видел, как человек думает. Он иногда говорил даже: «Нет, я это переговорю». Ты видел, как на твоих глазах раскручивается грандиозный маховик. Увлекающее было зрелище. С точки зрения интеллектуальной, а не творческой. С творческой, должен сказать, самый гениальный был Шостакович...

— А что по-человечески было интересно в Ахматовой?

— Ахматова умела железной рукой кроить чужие репутации. И бывали тут и колоссальные несправедливости — например, «Петербургские зимы» Георгия Иванова: Ахматова зарубила репутацию замечательной книги, единолично, своей рукой.

Она каждый шаг свой взвешивала, каждое слово. Смотрите: о Бродском были оставлены как бы высеченные фразы «Рыжому делают биографию...» или «Он чудно — ему завидуют». А об Анатолии Наймане она ничего такого не оставила. Отдельные недоброжелатели настаивают на том,

— А вам гадал?

С Иосифом Бродским. Нью-Йорк, 1978.

Фото Марианны Волковой

— У нас людям талантливым прощается многое, а вот Шостаковичу его компромиссы не прощали. Почему?

— Я сам раньше разделял все заблуждения либеральной интеллигенции. Я думал: вот Пастернак не шел на компромиссы... Да он первый шел! Он — основоположник жанра компромисса и восхваления Сталина в стихах...

— Но вы так и не сказали, за что любили Лию Брик «аэропортовские идиоты»?

— Скажу. Когда я с ней разговаривал, у меня была полная уверенность в том, что главный человек в ее жизни в этот момент — я. Такая у нее была заинтересованность. И полная как бы готовность сделать для собеседника все, что можно и чего нельзя. С

ществится... О чем писал Зощенко? Как вор свои навыки по реводит на строительство, на позитив... И когда приезжали такие люди, как Роман Роллан или Андре Жид, и говорили: «Да, мы — загнанный Запад, у нас все уже провалилось, а у вас...» Нельзя сказать, что Толстой желал России добра, а Горький желал России зла. Горький тоже же-

— Нет. Он был прагматиком. У него не было личных фобий ни к какой нации и ни к какому социальному классу. На каждом очередном этапе для Сталина было главное — остаться у власти и продолжать осуществлять свой долготсрочный курс... Он был идеальным политиком и безусловным фанатиком идеи постро-